

СОПЛЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ГЕКТОР ШУЛЬЦ

Гектор Шульц

Сопля

<https://litres.ru/74464374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец девяностых. Провинциальный город N, в котором давно уже умерло все человеческое.

Забитая калека Сопля сбежала из детдома и пытается выжить на улице, пока её, однажды, не замечают люди, которых боится весь город. Им нужна незаметная девчонка, готовая выполнить то, что скажут, не задавая вопросов.

И Сопля соглашается, не догадываясь, что прошлая жизнь, оказывается, была не такой уж и плохой.

Содержание

От автора:	4
Глава первая. Бродяжка.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Гектор Шульц

Сопля

От автора:

Я не одобряю поведение героев, не пропагандирую насилие и выступаю против употребления всякой запрещенной дряни. Наркотики – это зло, которое превращает человека в животное.

Я лишь показал, как все было, и призываю взглянуть между строк и найти тот самый посыл, который я пытался вложить в эту историю. А вот получится его найти или нет — это уже зависит от тебя, читатель.

Глава первая. Бродяжка.

*«Я начал жизнь в трущобах городских
И добрых слов я не слышал.
Когда ласкали вы детей своих,
Я есть просил, я замерзал.
Вы, увидав меня, не прячьте взгляд,
Ведь я ни в чем, ни в чем не виноват».*

Песню из фильма «Генералы песчаных карьеров» в нашем детдоме любили все. И малолетки, старательно выводившие тоненькими голосами незамысловатые куплеты, и старшаки, в чьих глазах давно уже умерло детство и поселилась звериная жестокость. Соберутся, бывает, в красном уголке, гитару со шкафа снимут и понеслась. Сначала эта песня, потом другие. Взрослые, злые, правильные. И так, пока воспитатель спать не погонит.

Но ночью мало кто спит. Кто-то тяжело ворочается на скрипящих кроватях, гоняя в голове не слишком радостные мысли. Кто-то из старшаков доебывается до слабых, а другие втихаря распивают бухло, пользуясь моментом, что воспитатели ушли спать. Ну а те, кому посчастливилось не стать объектом внимания пьяных уродов, тоже думают о своем. О матерях, которые их родили. О жизни, на которую их обрекли. О будущем, которого может и не быть.

Своих родителей я плохо помню. Мать давно спилась и

в памяти остался лишь ее мутный образ. Вместо отца в моем свидетельстве о рождении стоит прочерк. По паспорту я Кривошеева Александра Михайловна, только уверенности в том, что моего отца звали Мишей, нет. Кто его знает, откуда взялось это отчество.

Мамка сдала меня в детдом, когда полезли осложнения после полиомиелита. Ей куда важнее было бухать и гулять, чем заниматься с больным ребенком. Это я потом узнала, из личного дела. Полиомиелит наградил меня вялым параличом нижних конечностей. Не таким сильным, как у других детей. Был в детдоме один пацан, так он вообще еле ходил, но ему, можно сказать, повезло. Нашлось жалостливое сердце, которое дало ему новый дом и новую жизнь. На меня же всем было похуй. И родной матери, и тем, кто решался взять ребенка из детдома. Даже воспитатели порой презрительно так посматривали, когда я ковыляла мимо них по коридору.

Я не помню, когда ко мне последний раз обращались по имени. Воспитатели обращались исключительно по фамилии. Нянечка, тетя Люда, ласково звала меня Каличкой, и всегда покачивала головой, когда я неловко хромала по коридору. А те, с кем я делила спальню, дали мне другое погоняло. Сопля.

Могло быть хуже. Одного пацана прозвали Сракой. Он даже рта не раскрывал, когда старшаки, гогоча, тащили его в кладовку посреди ночи, чтобы поизмываться. Меня тоже пару раз таскали, как и остальных, кого определили в лохи. Па-

цанов, девчонок... Старшаки скидок на пол не делали. В кладовке, заваленной матрасами, тесной и пропахшей пылью, могли начать учить жизни. Могли избить. Могли и чего пострашнее сделать. Срака не зря после таких «посиделок» с ними под одеялом до утра тряся, пытаюсь сдержать рыдания.

Мне же чаще всего везло. Калина, наш старшой, вмазавшись, мог об меня кулаки почесать. Или на колени поставить и со всей дури лося прописать. В его дурной голове не было места состраданию, а бухло и разная дрянь превращали его в животное. Собственно, из-за него Срака и вздернулся. Я не знаю, что с ним делали старшаки в кладовке, но вернувшись, он не отправился в кровать, как раньше. Только тоскливо осмотрел спальню, голову пригнул и в коридор вышел. Нашли его утром, за пожарной лестницей. В петле висел, высунув распухший язык изо рта.

- Сука бздливая! По-человечески уйти не смог, – ругался потом Калина, когда воспитатели снова и снова таскали в кабинет директора очередного счастливчика, чтобы узнать правду. Но правду им так никто и не озвучил. Не так страшен директор, как те, что всегда рядом.

Но история Сраки быстро забылась и детдом вернулся к привычной жизни. Снова заскрипели по ночам кровати, снова загорелся в кладовой неяркий, холодный свет, где снова за закрытой дверью старшаки ломали очередного счастливчика.

- Неудивительно, что все свалить отсюда пытаются, - фыркнула Куля, когда мы сидели на крылечке, наслаждаясь еще теплой осенью. Воспитатели тогда выгнали весь детдом на улицу: листву опавшую убирать, деревья окапывать, дорожки подметать, да краску обновлять там, где это необходимо. Меня отрядили в помощь Куле. Таскать за ней большое ведро на колесиках, куда сваливали мусор, собранный на территории. И пусть Куля была постарше меня, она, наверное, единственная, кто называл меня по имени, игнорируя погоняло. – Не свои тебя забывают, так воспитатели.

- Это да... - неопределенно протянула я и, попытавшись подняться, плюхнулась обратно на крыльцо, когда Куля потянула меня за плечо.

- Куда ты торопишься, Санька? – рассмеялась она, протягивая мне пачку сигарет. – На, покури лучше. Никуда мусор этот не денется. Ты лучше вот что скажи... Потихе у вас там стало-то?

- Куда там, - скупое ответила я.

- Ты же в третьей группе, да? – спросила Куля и, дождавшись кивка, хмыкнула. – Калина у вас там за старшего, значит. М-да, не повезло. Я знаю, что это он до края пацана того довел. Срака, да? Так его кликали?

- Ага.

- Ага, - повторила она, выпуская в осеннее небо аккуратное колечко дыма. – Так, чисто между нами. Чо там стряслось, Сань?

- Сломали его, - пожалала я плечами, оглядываясь по сторонам. Куля смеяться не стала, только понимающе кивнула. – Совсем сломали.

- И не впрягся никто, - Куля сплюнула на землю и помотала головой. – Бляди дурные.

Кулю старшаки не трогали, так как она находилась на особом положении у воспитателей и директора. А все потому, что она была звездой на сборных концертах, которые администрация устраивала для нечастых гостей. Преимущественно для проверяющих из различных отделов. Ну и на пьянки ее частенько таскали, чтобы на гитаре поиграла. Стоило Куле струн коснуться, как мигом со всех слетали маски, обнажая то, что люди прятали глубоко внутри себя. Ну а если романс какой, так тут и Калина украдкой слезу пускал, настолько велик был талант этой круглолицей, вечно улыбающейся девчонки.

Честно говоря, я ей завидовала. Завидовала, что ее никто не бил после отбоя. На нее не ссали потехи ради. С ней здоровались за руку и старшие, и воспитатели. Даже пацаны из соседнего корпуса всегда смотрели на Кулю с любовью. Она располагала к себе каждого. Была в ней искорка того тепла, которое давно погасло в наших сердцах. И эта искорка никогда не угасала, какой бы тяжелой ни была ее жизнь. Пожалуй, только Куле я и могла рассказать самое сокровенное, не боясь получить в ответ жалящий смех. Она понимала. Все понимала. И старалась помочь. Хотя бы советом.

- Тут как, - Куля, улыбнувшись, сплюнула на землю. – Либо до конца дотянешь, комнату получишь и в жизнь уйдешь, либо свалишь, не дожидаясь, пока тебя в кладовке старшаки по кругу пустят.

- Ты про Черную? – осторожно спросила я.

- Ага, - кивнула Куля. История Ольки Черновой все еще была на слуху, а новый директор нашего детдома сразу бледнел, когда кто-то вскользь упоминал об этом. Как-то Ольку бухие старшаки из первой группы в кладовку затащили и всю ночь насиловали. А когда выдавили из себя все до капли, пустили в ход бутылки и обломанный черенок от лопаты. Олька неделю после этого в кровати провалялась, а потом вены расписала. И записку оставила, где обстоятельно рассказала о том, кто и как ее насиловал. Из первой группы трое на малолетку уехали. Еще двоих перевели куда-то, от греха подальше, и директору статью приписали. Да толку-то. Как собирались уроды в кладовке ночами до этого, так и продолжили, насрав и на воспитателей, и на нового директора. Конечно, пацанов и девчонок после этого по разным корпусам раскидали, да всем похуй на это было. Дешевое бухло и дрянь быстро стирали грани реальности, превращая человека в животное.

- После Ольки многих в кладовку таскали, - вздохнула я, когда Куля замолчала. – Не все, знаешь ли, могут отбиться.

- Все так, сестренка, - снова кивнула Куля. – Хули еще нам остается. Либо терпи, либо беги.

- Тебе проще, - ответила я. – За тобой директор, воспитатели. Только кто косо посмотрит, сразу в карцер отлетит.

- Выше нос, Санька. Да, дерьмовая у нас жизнь, да у других похуже. Вальку Сологубову помнишь?

- Ага.

- Она ж два года как на воле. В город выбиралась как-то и ее встретила. Прикантовалась она к компашке одной с Речки, как с детдома сбежала. С ними сейчас и трется на постоянке. Голодно, говорит, но весело. Они Вальку в бабку обряжают, а потом у церкви сажают. За день, говорит, неплохо выходит. Но бывает, что и голодными спать ложатся.

- Всяк лучше, чем здесь, - хмыкнула я. Куля, чуть подумав, улыбнулась.

- Как сказать, - ответила она. – Валька говорила, что зимой у них двое пацанов откинулись. Морозы стояли сильные, а одежда у них худая. Один от пневмонии помер, а второго на теплотрассе нашли. Трубы тогда отключили из-за прорыва, он ночью и замерз. В стекловате его нашли. Скрюченного. Согреться пытался. Вот и гадай, Санька, где лучше. Там, где околоть можно, или здесь?

- Кажется, что везде лучше, чем здесь, - обронила я. – Замерзнуть куда проще, чем раз за разом проживать кошмар, где тебя ебут пятеро обдолбанных уродов.

Куля не ответила. Только понимающе кивнула и, затушив окурок, стрельнула им в ведро. Тогда я еще не знала, что мне очень скоро предстоит выбрать: разделить участь Ольки или

сбежать из этого Ада в другой Ад.

Случилось это тридцатого декабря девяносто восьмого. Воспитатели уже готовились залить глотки водкой и встретить новый год, как подобает, а старшаки приводили в порядок кладовку, таская туда не только бухло, но и жратву, которую удалось добыть на воле. Казалось, что встреча нового года пройдет так же, как и всегда. Старшаки выцепят пару лохов, поглумятся над ними, потом нажрутсЯ и уснут. Но сердце предательски екнуло, когда в нашу спальню вошел, пошатываясь, Лук – один из вечных шестерок Калины, готовый на все ради доброго слова своего покровителя. Его мутные голубые глазенки остановились сначала на мне, а потом на Верке Безугловой. Лук улыбнулся и, небрежно махнув рукой, подозвал нас к себе.

- Короче, после отбоя в кладовку загляните, - протянул он и, посмотрев на меня, улыбнулся. – Не бзди, Сопля. Тебе понравится. Шампусика нальем, пожрать дадим. Все, по-человечески.

Но уродам вроде него все человеческое чуждо. Мы с Безугловой это прекрасно понимали, как понимали и то, что отказываться было нельзя. Если старшаки звали в кладовку, надо было идти. Или к ним, или в петлю, как Срака. Иного не дано.

Я же, когда вошла в кладовку, сразу поняла, что сегодня все будет иначе. Помимо Калины и других старшаков, там была и Бурка – Ленка Буркова, отвечавшая за порядок в жен-

ской части детдома, и ее лепшая подружка Света Гаврилова. Что Бурка, что Гаврилова больше походили на пацанов. Даже стриглись на мужской манер, и так же себя вели. Калина их уважал и не трогал, как остальных старшаков. Но мы с Безугловой были совсем другими. Лошками, цель жизни которых – это ублажать таких, как Калина и Бурка.

- Соплю-то нахуя позвали? – недовольно протянула Гаврилова.

- Тебя это ебсти не должно, - резко осадил шестерку Бурка.

- Говорят, у паралитиков пизда от судорог узкая, - гоготнул Лук, а Калина неприятно улыбнулся, заметив, как я побледнела. – Слышь, Сопля. У тебя там как между ног?

- Нормально, - тихо ответила я. – Как у всех.

- Ну, это мы еще проверим, - кивнул он и, подойдя к Верке, сильно ущипнул ее за грудь. Безуглова вскрикнула, но старшаков ее жалобный крик лишь повеселил.

- Ладно, садитесь, - скупо обронил Калина. Он посмотрел на Верку и похлопал ладонью по табуретке, рядом с собой, а когда Безуглова села, подвинул к ней стакан с водкой. – Пей.

- Я не хочу...

- Пей, блядь, когда старшие говорят, - огрызнулся Лук. Верка кивнула и, махом опрокинув в себя водку, скривилась. – Чо, ништяк?

- Конечно, ништяк. Нормальной водяры хуй найдешь, - проворчала Бурка, злобно смотря на Безуглову. – Ебало не

криви. Угостили, так порадуйся.

Верка порадовалась, как могла. Даже выдавила из себя жалобную улыбку, которая особенно повеселила старшаков. И лишь после этого водку предложили мне.

Первыми, ожидаемо, накидались Лук с Гавриловой. Калина тоже был пьян, но его глаза, хоть и мутные, настороженно блестели, когда он переводил взгляд с меня на Верку. Бурка, не обращая на нас внимания, жрала квашенную капусту, которую мы частенько воровали из столовки. Капусты было так много, что ни няньки, ни повара, ни воспитатели попросту не обращали внимания, когда ловили кого-нибудь возле тяжелой деревянной бочки, где она лежала. И пусть Бурка, казалось, была целиком поглощена едой, я все же замечала ее взгляд, в котором сквозила насмешка, когда она видела, как бледнеет Вера, которой Калина положил ладонь на бедро, и как трясутся мои губы, когда воняющий блевотиной Лук садится рядом со мной.

- Да не трясись ты так, - прошептал он мне на ухо, когда я напряглась, почувствовав, как его дрожащие пальцы жадно сминают мою грудь.

- Не надо, Илюш, - еле слышно ответила я, заставив его рассмеяться.

- Ты сама посуди, Сопля. Ну, у кого на тебя без синьки встанет, а? А так хоть нормального пацана попробуешь, м?

- Не надо, Илья. Я не хочу.

- Да кого ебет твое «хочу-не хочу»? – вспыхнул он, уже

без стеснения запуская руку мне под футболку. – Вон, на Безуглову смотри. Сидит и молчит.

Вот только Верка не молчала. Слишком уж красноречиво «орали» ее глаза, в которых застыла и боль, и унижение, и страх. Этот страх парализовал ее, как и меня. Поэтому Вера молчала, пока пьяный Калина, склонив голову, елозил рукой у нее между ног.

Старшаки перекинулись неожиданно, но я это сразу заметила. Их выдал взгляд – стеклянный, как у зверя, который напрочь утратил связь с реальностью. Снова вскрикнула Верка, которую Калина перегнул через стол и задрал юбку. А потом вскрикнула я, когда Лук, схватив меня за шею, нагнул так, что затрещал позвоночник.

- Не бзди, Сопля, - прошептал он. – Тебе понравится. Бля буду...

Меня мутило от водки, страха и отвращения. В животе противно заныло, когда я почувствовала на шее вонючее дыхание. А потом нутро свело от такой боли, словно между ног кипятком плеснули. Довольно заржала Бурка и эхом откликнулась Гаврилова, а я корчилась от судорог, напрочь утратив способность сопротивляться. Где-то там, позади меня, плакала Верка и ее плач перебил звук удара, а потом ругань Калины. На миг мелькнула мысль, а не сон ли это? Кошмар, от которого невозможно очнуться, как бы ты сильно не желала проснуться. Но это был не сон, о чем говорила боль между ног и зловонное дыхание Лука, сжимавшего мою шею сталь-

ными пальцами.

- Это чо такое?! Чо у вас тут происходит, а?

Мои губы затряслись, когда я услышала голос тети Люды. Няньки, мывшей у нас в спальне полы и порой дававшей оголодавшим девчонкам конфеты-долгоиграйки. Хватка Лука ослабла, а сам он глумливо засмеялся и отпихнул меня. Резко вытерев слезы, я повернулась на голос и увидела, что в дверном проеме стоит наша нянечка, открыв рот и держась за сердце.

- Нехристи! – рывкнула она, когда к ней вернулся дар речи. – Вы штош такое делаете, а? Вы што устроили?

- Да ладно, тетя Люд. Ну, посидели, выпили, - ословело протянул окосевший от водки Калина. Рядом с ним тихонько подрагивала Верка, стыдливо прижимая руки к животу. Ее глаза тоже были полны слез, вот только никому до этого не было дела.

- А ну, брысь в кровати! А то... а то... директору все расскажу. Ишь, устроили тут блядюшник! А вы, а? – тетя Люда повернулась в мою сторону, и я с удивлением увидела в ее глазах злость. – Гнутая, сопливая, а туда же? У, я вам задам...

Она вытолкала нас из кладовки и, заперев ее на ключ, ушла, покачивая седой головой. Рядом со мной гоготнула Бурка и расслабленно выдохнул Лук. Почесав яйца, он игриво шлепнул меня по заднице.

- Сука старая, - проворчал он. – Кончить не дала.

- Хуй она куда пойдет, - отмахнулся Калина. – Чо, первый раз что ли засыпались. Ладно, чешите в спальню. Если воспитатели придут, молчок.

-Слыхали, уебища? – процедила Гаврилова, обращаясь ко мне и Верке. Мы синхронно кивнули и, пригнув головы, помчались рысцой по коридору. Вслед нам донесся жалящий смех старшаков. Вот только мне было не до смеха. Последние остатки детства стекали по бедрам обжигающе-стыдными ручейками, а на шее наливались синяки от пальцев Лука.

Верка проплакала всю ночь, но к ней так никто и не подошел. Остальные девчонки понимали, что в кладовке произошло что-то страшное, но каждая считала, что это не их дело. В детдоме так всегда. Чужие проблемы – это чужие проблемы. Важнее себя никого нет.

Хотела бы я тоже поплакать, да понимала, что это не поможет. Боль не уйдет, да и на душе легче не станет. Вздохнув, я встала с кровати, задумчиво посмотрела на пятно крови на простыне и медленно поплелась в туалет.

Холодная, ржавая вода, от которой ломит зубы, привела меня в чувство и немного наполнило голову ясностью. Снова всплыли обрывки диалога с Кулей.

- «Либо терпи, либо беги», - повторила я слова Кули, смотря на себя в зеркало. Но сказала это тихо. В детдоме уши есть у всего, вот только слышат они только то, что хотят услышать. Иначе не было бы этих посиделок в кладовой и поломанных девчонок, лезущих в петлю после. – Терпеть?

Или бежать?

Терпеть не хотелось. Я прекрасно понимала, что ни Лук, ни Калина не останутся. Закончат то, что прервало появление тети Люды. Вопрос времени, когда это случится. С другой стороны, а куда бежать? Как Сологубова в неизвестность? Да и где гарантия, что найдешь нормальную компашку, а не табун уродов, в сравнении с которыми посиделки у Калины окажутся доброй сказкой. Но даже они сейчас казались мне лучшим вариантом.

- Ой! Прости, Сань. Не знала, что ты здесь.

Обернувшись, я увидела заплаканную Верку. Лицо опухло, глаза красные, а бледные губы до сих пор дрожат.

- Умываюсь, - коротко ответила я, подставляя под ледяную воду ладони. От холода сводило пальцы, но эта боль была приятной. Хотя бы потому, что она оставит после себя чистоту, а не грязь.

- Сань... - голос Верки дрогнул. - Я не могу, Сань... Я глаза закрываю, и снова чувствую...

- Знаю, - вздохнула я. Безуглова коснулась живота рукой и, скривившись, заплакала.

- Зачем они так? Мы же... ну, такие же, как они. Мы же тоже люди.

- Не, Вер. Для них мы не люди. С людьми разговоры ведут, а мы... так, падаль.

- Что делать, Сань? Как жить?

- Тебе? - грустно улыбнулась я. - Ну, тебе проще, Вер.

Когда у тебя днюха?

- Через три недели, а что? – непонимающе переспросила Безуглова.

- Ну, вот. Вольную получишь и свалишь до того, как Калина о тебе вспомнит. Повезет, комнату получишь и забудешь обо всем, что сегодня произошло.

- А ты?

- А я вряд ли забуду, - чуть подумав, ответила я. В голове снова всплыли слова Кули. – Ладно, умойся лучше и спать иди.

- Не могу, Сань. Глаза закрою и снова...

- Знаю, - повторила я и, чуть подумав, подошла к Верке, после чего осторожно ее обняла. Безуглову тут же прорвало. Она всхлипнула и без стеснения разревелась. Странно было это осознавать, но я чувствовала ее боль. Пульсирующая, злобная, омерзительная... Точно такая же боль была и во мне. И от нее не спасет ни ледяная вода, ни сон, ни водка. Мы обе это понимали.

Безуглова уснула быстро. Только я проводила ее до постели, как она свернулась комочком, тяжело вздохнула и тут же засопела. Рядом поскрипывали кровати других девчонок. Кто-то из них не спал, варясь в собственных безрадостных мыслях. Кто-то наблюдал за нами. Только делали они это молча, как и всегда.

За окном с неба валил снег. Валил крупными, белыми хлопьями, укрывая уродливую, черную землю мягким и пу-

шистым одеялом. В желтом свете фонарей картина была по-настоящему сказочной, вот только в сказки я давно уже перестала верить. Лет в пять, наверное. Да и как в них верить, когда вокруг тебя сплошная грязь, вперемешку с болью? Говорят, что чудеса случаются с теми, кто в них верит. Интересно, Срака тоже верил, когда шел с простыней к пожарной лестнице? Или в его душе кроме боли ничего и не было? А Безуглова? А десятки других пацанов и девчонок? Вряд ли. Если бы верили, то не сломались бы. А я?

- Я сломалась, - тихо ответила сама себе я, продолжая задумчиво смотреть в окно. – Может, вот он, белый лист, с которого стоит начать? Холодный, чистый, белый лист...

- Блядь, Сопля, ты заебала шарахаться! – недовольно проворчала со своей кровати пьяная Гаврилова. – Или тебе, сука, колыбельную спеть?

Я не ответила. Тихонько нырнула под одеяло и накрылась им с головой, словно пытаюсь таким образом сбежать из этого кошмара.

К встрече нового тысяча девятьсот девяносто девятого года детдом подходил с размахом. Ну, как сказать, с размахом готовились только воспитатели, а воспитанников порадовали стандартным ужином. Разве что расщедрились на яблочный сок и печенье, чтобы создать хоть какое-то подобие праздника. Однако всем на это было глубоко похуй.

Старшаки давно уже считали часы до того момента, как воспитатели отправятся праздновать и оставят всех в покое.

В кладовке будет другой праздник, где сок и сладости заменит водка и нарезка вареной колбасы, которую Лук стянул с кухни. Потом позовут пару лохов, над которыми малость поизгаляются. Куля споет пару песен и отправится спать. Кого-то выебут... как нас с Безугловой. Сценарий не менялся годами. Все это понимали.

Но я еще утром решила, что для меня этот праздник станет другим. Верка будет терпеть, в этом я не сомневалась. Безуглова раболепно улыбалась Бурке и Гавриловой, разве что побледнела, когда Калина схватил ее за жопу, но быстро вернула на лицо привычную вымученную улыбку. Нет, она не сбежит. Она сломала себя ночью, смирилась. Дотерпит теперь до совершеннолетия, получит билет во взрослую жизнь и уйдет, как уходили немногие. Я же терпеть еще один год не собиралась. Кто его знает, что произойдет в следующий раз, когда Лук прикажет мне ночью зайти в кладовку. Проверять это не очень-то и хотелось.

План мой был тупым и дерзким. Дождаться, когда воспитатели отправятся праздновать, забраться в кабинет заведующей, стащить свои документы и сбежать, пока детдом встречает новый год. О том, где ночевать, что есть и как выживать в двадцатиградусный мороз, я предпочитала пока не думать. Если бы еще об этом задумывалась, точно бы не решилась.

В кабинет заведующей проникнуть было легко. Дверь была старой и рассохшейся. Если крепко взяться за ручку и

приподнять ее, то можно освободить ригель. Об этом многие знали и не стеснялись пользоваться, если надо было добавить себе хороших оценок в классный журнал или порыться в письменном столе заведующей. Калина там как-то раз деньги нашел и детдом неделю гудел, не просыхая. Но меня интересовали вовсе не деньги и не оценки.

- Капитанова... Колокольникова... Кравцова... - пробормотала я, роясь в большом шкафу, где хранились личные дела воспитанниц. – Ага. Кривошеева.

Моя папка была не шибко толстой. В ней лежал паспорт, свидетельство о рождении, аттестат за девятый класс, какие-то характеристики и прочая мелочь. Чуть подумав, я решила забрать с собой всю папку. Кто его знает, что может пригодиться, а что окажется ненужным, если шагаешь в неизвестность.

В коридоре послышался шакалий смех Калины, а затем звук разбитого стекла. Поморщившись, я выглянула в коридор, дождалась пока старшаки свернут за угол и только потом рискнула покинуть кабинет заведующей.

- Бежать, бежать быстрее, пока не заметили, - стучала в голове одна единственная мысль.

В гардеробе я стянула с крючка ближайшее пальто, нашла в ящике колючий шарф и вытянутую шапку. Заминка возникла только с ботинками. Мой размер почему-то отсутствовал, поэтому, плюнув я схватила первые попавшиеся и, крадучись, двинулась по коридору в сторону выхода во двор.

Воспитатели его редко запирали и туда частенько выходили покурить воспитанники, без риска запалиться. Мне же оставалось надеяться, что сейчас на крыльце никого нет.

Часы пробили полночь и откуда-то из глубин здания, словно из брюха ветхозаветного чудовища, слышались чьи-то пьяные выкрики. Новый год, наконец-то, наступил, а я торопилась сбежать до того, как меня хватятся. Правда убежать незаметно не получилось. Да и глупо было на это надеяться.

- Валить надумала, Санька? – рассмеялась Куля, когда я, вздрогнув, вывалилась на крыльцо в чужом пальто, чужих ботинках и с черным пакетом в руках.

- Фу, блин, - пробормотала я, прижимая к груди пакет. – Напугала.

- Извиняй, - улыбнулась она. – Покурить вышла, а тут ты.

- Угу. А мне повезло, что тут ты, - вздохнула я, ежась от холода.

- Бумажки нашла? – коротко спросила Куля и поджала губы, увидев мой кивок. – Молодец. Без паспорта быстро примут и обратно вернут. А так есть маза допиздеться, если чо.

- Куль, я...

- Расслабься, Сань, - перебила она. – Мне можешь не объяснять. Чо я не знаю, что ли? Раз надумала, так вали и не оглядывайся. Калина сегодня дурной совсем. Повезло, что я тут курю, а не он.

- Ага, повезло, - повторила я, тоскливо смотря себе под

ноги. Куля кивнула и, чуть подумав, сунула руку в карман, после чего протянула мне мятую купюру. – Что это? Не надо мне...

- Хуйню не носи, - резко ответила Куля. – Тут немного, может пожрать чо купишь. Лишним не будет.

- Спасибо, - покраснела я, убирая деньги в карман.

- Да было б за что, Сань, - снова улыбнулась она. От Кули пахло водкой и мандаринами, а глаза возбужденно блестели. – Ладно, секи сюда. Идешь прямо до забора, потом поворачиваешь налево и до котельной. Там в решетке дыра есть, пролезешь. Поняла?

- Поняла, - снова кивнула я.

- Тут Блевотня недалеко. Ты туда не суйся. Частный сектор, уебки всякие, перекантоваться негде. В Окурке получишь. Вдоль трамвайных путей иди...

- Я знаю, где Окурки, - улыбнулась я.

- Короче, малая. Вариантов у тебя немного. Подвал дома или теплотрасса. Ща морозы лютые, замерзнуть, как нехуй делать. А так, хотя бы ночь переждешь... - Куля неожиданно замолчала и, схватив меня за руку, потянула за угол. Как раз вовремя, потому что на крыльцо через пару мгновений вывалились покурить пьяные воспитатели. К счастью, перекур продлился недолго. – Так, пошли. Провожу до забора. Там и потрешим.

- Ага, пошли, - кивнула я, неловко семеня за ней. Ботинки были мне велики и ноги болтались в них свободно, но сейчас

я старалась об этом не думать.

- Так, о чем я... а, да! – вспомнила Куля, идя вперед. – Лучше всего хрущевки. В первых подъездах подвал под всем домом тянется и там проще затихариться. К тому же трубы там так шпарят, что никакой мороз не страшен. И кран есть. Ну, с водой. Умыться там, или попить. Если повезет, закрутки или консервы найдешь. Многие хуй на двери забивают, все погреба нараспашку. Конечно, там могут и наркоши вмазываться, поэтому хорошенько осмотришься прежде, чем на ночевку устраиваться. Мы так раз чуть в блудняк не влипли, с местными закусились, которые там обитали. Ну, об этом как-нибудь в другой раз.

Я понимающе улыбнулась. Водка дала Куле в голову, речь и мысли стали сбивчивыми. Словно и впрямь время таяло, и она торопилась поделиться тем, что знает.

- Спасибо, Куль. Ну... за то, что тебе не все равно.

- Да, ладно, малая. Свои, все-таки. Хоть и разные, - вздохнула Куля и ласково ущипнула меня за щеку. – Была у меня подружка... Лидка. Как ты. В такую ночь и ушла... А, блядь! Ладно. Не будем об этом. Ты, главное, нос по ветру держи. Если компашку какую приبلудную встретишь, сразу к ним не вписывайся. Посмотри, что за люди, чем дышат. Ебанама-тов на улице много, Сань. Куда больше, чем здесь, уж поверь.

- Верю, - вздохнула я. – Да только кажется, что они получше наших будут.

- Как знать, - хмыкнула Куля. Затем притянула меня к се-

бе и крепко обняла. – Ладно, чего ласы точить. Вали уже. Найдемся, если этому суждено случиться.

- Найдемся, - кивнула я и, развернувшись, протиснулась в дыру в заборе. Детдом, прошлое и вся боль с ним связанная наконец-то остались позади. Пусть и на короткий миг.

Станным это все было. Люди праздновали наступление нового года, повсюду рвались петарды, пьяные прохожие поздравляли друг друга, а я шла по трамвайным рельсам с пустой головой и бешено бьющимся сердцем.

Даже серые дома, от которых раньше веяло могильным холодом, выглядели, на удивление, милыми и уютными. В желтых окнах горел свет, слышался чей-то смех, звучала музыка. В этих окнах, пусть и ненадолго, люди любили друг друга. Они радовались, звонко чокались стопками с ледяной водкой и с усердием налегали на нехитрую еду. Утром они проснутся с больной головой, улыбнутся, наложат себе из большой кастрюли оливье, плеснут выдохшегося шампанского и усядутся перед телевизором. А вечером праздник снова повторится, пусть и не в таких масштабах, как сейчас.

Хорошо, когда у тебя есть семья. Есть крыша над головой и еда на столе. У меня этого не было. Зато был мороз, без стеснения кусавший за щеки. Был черный пакет с моими документами и ворчащий от голода желудок. А еще полное непонимание, что же делать дальше.

К счастью, слова Кули я не забыла и, добравшись до Окурка, начала искать пристанище на ночь. С пристанищем особо

проблем не было. Даже если не удастся найти подвал, всегда можно прикорнуть у батареи в подъезде. Люди сегодня слишком счастливы и пьяны, чтобы обращать внимание на замерзшую бродяжку.

- С новым годом! – заорал какой-то краснолицый мужик, шарахнувшись в мою сторону.

- С новым годом, - тихо ответила я, ускоряя шаг. Мужик рассмеялся, утер мокрый лоб шапкой и, пошатываясь, побрел дальше. Счастливый, пьяный человек. Без забот и без хлопот. По крайней мере, сегодня.

Я шла вперед долго. Сама не понимая, куда иду. Сначала пыталась, конечно, соваться в подъезды, да подвалы везде были закрыты на замок. Меня это не удивляло. В Окурке жили суровые люди, не доверявшие никому. Пусть в подвалах давно уже никто ничего не хранил, привычка оградить свое имущество все же осталась. Но я знала, что рано или поздно найду открытую дверь. Надо просто продолжать идти.

С непривычки гудели ноги. Мне и так-то нелегко было ходить, а сейчас, из-за мороза и снега, каждый шаг отдавался болью. Болью режущей и холодной.

- Иди, - прошептала я. – Иди дальше. Остановишься, замерзнешь и сдохнешь, как мамка всегда мечтала. Надо просто найти подъезд, подвал там будет не заперт. Вдруг повезет...

Повезло мне, правда, в другом. Недалеко от дома номер семь по улице Лесной я увидела переполненные мусорные

баки, у которых кто-то сердобольный вывалил черствые сухари для бродячих собак. Желудок снова протяжно заворчал, а рот наполнился голодной слюной, когда я опустилась на колени рядом с пакетом, на котором лежал мерзлый хлеб.

- Не выебывайся. Жри, чо дали, - вздохнула я, вгрызаясь зубами в холодный кусок. Хлеб уже отдавал плесенью, но голод был сильнее. Жадно давясь слюной, я все же съела этот кусок, а потом грустно улыбнулась, увидев на другом сухаре следы подсохшей подливки. Этот кусок я тоже съела, а оставшиеся, внимательно осмотренные, отправились в пакет. Сидящий в углу у бака черный пес смерил меня презрительным взглядом и, оскалив зубы, злобно зарычал. Однако недовольно дернул ушами, когда услышал странный звук. Вздогнула и я, после чего, поднявшись, с любопытством заглянула в бак.

Внутри, на куче раскисших коробок, лежал сверток белой ткани с бурыми пятнами. Сверток слегка шевелился и странно попискивал. А когда я осторожно коснулась его пальцами, ночную тишину неожиданно разрезал приглушенный плач.

- Ох, блядь... - простонала я, попятившись от бака. Да, сомнений больше не оставалось. В свертке был младенец и, судя по активному шевелению, живой. Кто знает, сколько он тут уже пролежал. Сердце тут же сдавило от злости и обиды. Меня мать тоже однажды выкинула из своей жизни. Но ей хотя бы хватило совести, чтобы сдать меня в приют, а не выбросить на помойку, как испачканную блевотиной кофту.

Закусив губу, я бережно вытащила сверток из мусорного бака и, чуть повозившись, приоткрыла ткань, чтобы взглянуть на неожиданную находку. Младенец, хапнув холодного воздуха, тут же заорал во всю глотку. Пришлось расстегнуть пальто и спрятать его на груди, где теплее. К моему удивлению, помогло. Ребенок тяжело вздохнул, словно все прекрасно понимал, и замолчал. Передо мной же встал извечный вопрос. Что делать? Одно дело найти себе место для ночевки, а младенец? Он же жрать хочет, к тому же мороз, грязь.

Мотнув головой, я тут же бросилась бежать к ближайшему подъезду и, влетев на второй этаж, уселась возле батареи. Младенец, почувствовав тепло, снова зашевелился и я рискнула приоткрыть пальто.

Маленький, сморщенный, он извивался, как яблочный червячок и смешно хмурил брови. Однако, услышав мой баюкающий голос, замер и зачмокал слюнявыми губами. Бесценная маленькая жизнь, оказавшаяся ненужной ни родителям, ни смерти, прошедшей мимо того вонючего мусорного бака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.